

свѣтлыя, такъ и темныя черты его. Съ одной стороны, это былъ добрый юноша, впечатлительный, жаждавшій любви и дружбы, даже сентиментальный мечтатель; съ другой—это былъ гордый, необщительный воспитанникъ своей бабушки, искавшій сближенія только съ золотою молодежью, толпой богатыхъ гулякъ. Среди студентовъ Московскаго университета находились тогда Бѣлинскій и Станкевичъ. Оба они образовали свои кружки; но Лермонтовъ не примкнулъ ни къ тому ни къ другому, а ближайшими товарищами его были молодые люди изъ общества бабушки и ея многочисленныхъ родственниковъ, проводившіе время въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, въ посѣщеніи баловъ и въ кутежахъ. Въ то же время Лермонтовъ и не любилъ такой праздной жизни: онъ все-таки предпочиталъ чтеніе и занятія. Вотъ что рассказываетъ о Лермонтовѣ-студентѣ одинъ изъ современниковъ его—Вистенгофъ:

„Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставлялъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; по обыкновенію, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Даже шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ, не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ былъ небольшого роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темныя, пригладенныя на головѣ и вискахъ волосы и пронзительныя темно-каріе большіе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное поведеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки. Однихъ подстрекало любопытство, или даже сер-

дило, нѣкоторыхъ обижало. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка, снять маску, скрывающую затаенныя его мысли, и заставить высказаться“.

„Однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ, и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. „Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ, напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для разговора самый основательный“,—сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты Ефремовъ и Станкевичъ одобрили со всѣмъ этою. Не долго думая, я отправился. „Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете. Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя ли ея поудѣлиться и съ нами?“—обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать, что она была англійскія. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. „Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ бесполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея“,—отвѣтилъ онъ, мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный, бросился я отъ него“. Далѣе Вистенгофъ прибавляетъ: „Видимо было, что Лермонтовъ имѣлъ грубый, дерзкій, заносчивый характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя всѣ отъ него отплатулись, а между прочимъ, странное дѣло, какое то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему, а въ то же время завидовать стойкости его угрюмаго нрава. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собою оживленныя бесѣды о совре-